

Фэн Хао развалился на краю кровати, небрежно закинув одну ногу на другую, и не сводил глаз с мужчины, застывшего в дверях.

— Сколько ты планируешь стоять там, старший? — спросил он спокойным, почти снисходительным голосом.

Линь Лан стоял там уже почти пять минут, не в силах сделать и шагу под этим взглядом — таким спокойным, таким уверенным, таким всепоглощающим.

От того, как Фэн Хао смотрел на него, у него по коже побежали мурашки.

— Если хочешь провести там всю ночь, я не буду тебя останавливать, — добавил Фэн Хао. — Но я переживаю, что у тебя не останется сил на съемки завтра.

Линь Лан сглотнул, затем заставил себя сделать шаг вперед, один, два, каждый из них казался тяжелым, как гора.

Фэн Хао наблюдал за ним с тихим удовлетворением, не говоря ни слова.

— ...Верни мне мой ключ, — голос Линь Лана был тихим и нетвердым.

Фэн Хао промолчал.

— Я сказал — верни мне мой ключ, — его голос поднялся, став резче.

Фэн Хао поднял палец и медленно покачал им.

— Тебе стоит внимательно подбирать слова, старший. «Верни мне мой ключ» и «Пожалуйста, верни мне мой ключ» — всего одно слово различает их, но они имеют совершенно разные значения.

Линь Лан стиснул зубы.

— Чего ты хочешь?

Фэн Хао разжал ладонь.

Ключ Линь Лана лежал у него на ладони и блестел.

Как только он увидел его, Линь Лан бросился вперед, пытаясь схватить его. Но Фэн Хао схватил

его запястье с силой, которая противоречила его телосложению.

Рука Линь Лана застыла в воздухе, совершенно обездвиженная.

Фэн Хао улыбнулся, ярко, мимолетно, затем потащил Линь Лана с собой к ванной. Прежде чем тот успел возразить, ключ был брошен в унитаз, а рука Фэн Хао нажала кнопку слива.

— Нет! — Линь Лан вырвался и упал на колени рядом с унитазом, но вода уже спустилась.

Ничего не осталось.

— Ты! — он развернулся, в ярости, и увидел, как Фэн Хао снова раскрыл правую руку.

Ключ все еще лежал там, нетронутый.

Ошеломленный Линь Лан отшатнулся назад.

— Итак, — тихо сказал Фэн Хао, — ты все обдумал?

Он вернулся к кровати, сел и стал ждать. Линь Лан остался стоять, приоткрыв рот, не зная, что сказать.

Тишина повисла между ними, словно натянутая проволока.

Затем Фэн Хао рассмеялся.

Это был тихий смех, но в напряженной атмосфере он ударил по нервам Линь Лана, как плеть.

— Дай угадаю, — сказал Фэн Хао. — Нет сценария, нет реплик, и ты не знаешь, что сказать?

Линь Лан сжал кулаки.

— Пожалуйста... верни мне ключ.

Первое слово было еле слышно.

Фэн Хао не ответил.

Линь Лан повторил, громче на этот раз, каждое слово вырвалось с трудом.

— Пожалуйста. Верни ключ.

Фэн Хао наклонил голову, задумавшись.

— Ладно.

Но, как и ожидалось, все оказалось не так просто.

— У меня есть условие, — добавил он.

У Линь Лана оборвалось сердце.

— Я хочу открыть его для тебя... сам.

Его голос был мягким, почти нежным.

Линь Лан напрягся. Он не удивился, но требование все равно заставило его кровь закипеть от стыда.

— Если откажешься, ничего страшного, — пожал плечами Фэн Хао. — Мы будем здесь еще три месяца. После этого ты сможешь вызвать слесаря... если, конечно, у вас есть запасной ключ?

Линь Лан молчал.

Фэн Хао снова улыбнулся, терпеливо и понимающе.

Реального выбора не было.

Линь Лан медленно поднёс руки к молнии на брюках. Но Фэн Хао остановил его, постукивая двумя пальцами по тыльной стороне ладони.

— Начни с верха, — сказал он.

Линь Лан замер, а затем, не говоря ни слова, высвободил руку и принялся расстегивать первую пуговицу рубашки.

Он не обнажал своего тела на публике с тех пор, как учился в академии.

Даже в кино его агент молча отвергал все роли, где требовалось обнаженное тело. Никаких

кадров без рубашки, никаких откровенных сцен. И он всегда считал это просто совпадением, до сих пор.

Прошло десять лет.

Прошло десять лет с тех пор, как кто-либо видел его тело.

И вот он здесь — раздевается под взглядом, заставляющим его кожу гореть.

В глазах Фэн Хао ни разу не мелькнуло вожделение. Он смотрел на него, словно коллекционер, разворачивающий шедевр.

— Итак, старший, — произнес Фэн Хао тихо, его глаза медленно скользили вниз, — это то, что ты выбрал.

Его взгляд остановился на поясе Линь Лана.

— Хороший выбор, — добавил он. — Это даже в одних трусах тебя не выдаст.

Линь Лан знал, что это значит.

В сценарии была сцена секса — не слишком откровенная, но вполне достаточная. Предполагалось, что будет физическая близость и частичное раздевание. Это была его самая откровенная роль на сегодняшний день.

— Помоги мне... открыть это, — произнес Линь Лан, но горло у него пересохло, и слова вырвались хрипло.

— Зачем спешить? — прошептал Фэн Хао. — Я хочу насладиться этим.

Он встал и посмотрел Линь Лану в глаза.

— Знаешь, с тех пор как я увидел тебя на сцене... я мечтал увидеть тебя таким.

Линь Лан прищурился.

— Разве ты не мечтал разделить сцену со мной?

Фэн Хао улыбнулся.

— Это было одной из них. Теперь я исполнил обе мечты.

Они стояли лицом к лицу — один одетый, другой обнаженный.

В этот момент Линь Лан осознал, что есть нечто более унижительное, чем быть раздевшимся: быть увиденным.

Под пристальным взглядом Фэн Хао его тело снова предало его. И затем — боль. Тупая, знакомая боль разлилась внизу живота, заполнив его нервы.

— Больно? — тихо спросил Фэн Хао.

Линь Лан не ответил.

Но Фэн Хао заметил изменения на его лице и улыбнулся.

— Ты очень застенчив, не так ли?

Он повернулся, достал из чемодана небольшой черный сейф и поставил его на стол.

— Честно говоря, я не думал, что когда-нибудь получу шанс использовать это. Спасибо, что доказал мне обратное.

Из сейфа он достал длинную полоску черного шелка.

У Линь Лана перехватило дыхание.

Фэн Хао встал за ним, поднимая ленту.

— Мне это нравится больше, чем повязка на глаза, — сказал он. — Нужно аккуратно завернуть... как подарок.

Он завязал узел медленно, с привычной легкостью.

Лишившись зрения, Линь Лан почувствовал, как его кожа сжимается под холодным воздухом. Каждый звук становился громче. Каждое прикосновение — резче. Он был предельно бдителен и беспомощен.

Шаги Фэн Хао по ковру были бесшумными, но Линь Лан услышал слабое шарканье, когда тот доставал что-то еще из сейфа.

Через мгновение что-то твердое обхватило его шею.

Ошейник.

Он сидел идеально — плотно, но не сдавливал.

Почти... созданный для него.

Затем его запястья затянули за спиной и связали тем же тщательным образом.

— Ты прекрасен, — прошептал Фэн Хао, восхищаясь им. — Даже без всего лишнего — ты уже прекрасен.

Он щелкнул ключом возле уха Линь Лана. Звук был четким.

— Я открою это для тебя сейчас.

Линь Лан услышал щелчок замка.

Что-то тяжелое отвалилось от его тела.

Но как только он с облегчением выдохнул, Фэн Хао обнял его сзади, его руки исследовали шею, ключицы, грудь.

— Я никогда не думал, что буду обнимать тебя так, — прошептал он. — Но я думал об этом, каждый день, в течение многих лет.

Его голос стал ниже.

— В тот момент, когда я увидел, как ты реагируешь на наручники... я понял. Мы с тобой одинаковы. Никто другой не поймет. Но я понимаю.

Его губы коснулись шеи Линь Лана.

— Я представлял это... Раздеваю тебя. Запираю тебя. Целую тебя. Владею тобой. Даже наказываю тебя... пока ты не упадешь в мои объятия, умоляя о пощаде.

Он прижал руку к животу Линь Лана, а затем ниже, обхватив его.

— Это не об унижении. Это о желании.

— Ты никогда не слушаешь, когда я говорю. Поэтому это... так я показываю тебе, что имею в виду.

— Я использую все, что потребуется: силу, манипуляции, искушения, если это означает, что ты наконец-то станешь моим.

Линь Лан задержал дыхание.

Все его тело дрожало.

— Но чего я действительно хочу... — прошептал Фэн Хао, — это чтобы ты выбрал меня. Чтобы ответил.

— Чтобы хотел меня так, как я хочу тебя.

Его губы коснулись уха Линь Лана.

— Мне нравятся все твои стороны, и та, которую видит мир, и та, которую ты скрываешь. Ты сводишь меня с ума.

— Я дам тебе то, что никто другой не осмелится. Я воплощу твои сокровенные мечты в реальность.

— Даже те, в которых ты слишком боишься признаться.

Что-то внутри Линь Лана треснуло.

Тихий стон непроизвольно вырвался из его горла.

Свет проникал сквозь шелк на его глазах ровно настолько, чтобы слова Фэн Хао превращались в образы, яркие и неизбежные.

Каждый из них врезался в его разум, как священное писание